

женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекрасные игры, устраивая жертвоприношения, распевая и танцуя, дабы расположить к себе богов и отбить врагов, победив их в бою» [1, с. 342].

Список литературы:

1. **Арендт, Х.А.** Vita activa, или О деятельной жизни [Текст] / Х.А. Арендт // Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. - СПб.: Алетейя, 2000. - 437 с.
2. **Платон** Законы [Текст] / Платон // Собрание сочинений. Т. 2. - М., 1993. С. 339 – 345.
3. **Хейзинга, Й.** Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хейзинга // Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. - М.: Прогресс – Традиция, 1997.- 416 с.
4. **Хотинская, Г.А.** Игра как феномен культуры в культурологических и семиотических описаниях. [Текст] / Г.А. Хотинская. [Электронный ресурс] - URL://<http://jarki.ru/wpress/2011/10/20/2769>. (дата обращения 15.03.2016 г.)

ГРНТИ 16.01.07

УДК 091

Плотников Иван Викторович

МЕТАФОРОЛОГИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорология, когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, метафорическое проектирование.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема метафоры как объекта научной деятельности. Анализируются подходы различных научных школ к феномену метафоры.

METAPHOROLOGY IN THE HISTORY OF SCIENCE

KEYWORDS: metaphorology, cognitive linguistics, cognitive metaphor, metaphorical projection.

ABSTRACT. In this article the problem of metaphor as a scientific research object is reviewed. The approaches of different scientific schools to the phenomenon of metaphor is analyzed.

Метафора как языковой феномен является объектом изучения многих филологических дисциплин. При этом традиционно противопоставляется метафора как единица номинации (объект лексикологии) и метафора как троп (объект теории художественной речи). И в той и в другой отрасли существует множество работ, описывающих различные стороны этого языкового феномена: механизмы метафорических переносов, место метафоры в лексической системе языка, классификации метафоры, её экспрессивно-стилистические возможности и т.д.

Отрицательно относились к метафоре английские философы-рационалисты. Так, Т. Гоббс писал: «Свет человеческого ума — это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания — путь, а благоденствие человеческого рода — цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [4, с. 63].

Дж. Локк в своей инвективе против несовершенств языка также осудил образное употребление слов, которое «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать

страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [6, с. 567]. Склонность человека к метафоре представлялась Локку противостоительной.

Приведенные оценки основываются на том, что метафора — это один из способов выражения значения, существующий наряду с употреблением слов в их прямом и точном смысле, но гораздо менее удобный и эффективный. На этом тезисе сходились мыслители, придерживающиеся рационалистических, позитивистских и прагматических взглядов, сторонники философии логического анализа, эмпирицисты и логические позитивисты. В рамках названных направлений метафора считалась недопустимой в научных сочинениях и «совершение метафоры» приравнивалось к совершению преступления (ср. англ. to commit a metaphor по аналогии с to commit a crime).

Философы и ученые романтического склада, искавшие истоки языка в эмоциональных и поэтических импульсах человека, напротив, считали метафору фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Ф. Ницше писал: «"Вещь в себе" (ею была бы именно чистая, беспоследственная истина) совершенно недостижима... для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [7, с. 396].

Ницше считает, что познание в принципе метафорично, имеет эстетическую природу и не оперирует понятием верифицируемости. Если рационализм исторгал метафору как неадекватную и необязательную форму выражения истины, то философский иррационализм стремился отдать все царство познания метафоре, изгнав из него истину. Разные версии и рефлексии такого подхода к роли метафоры в познании встречаются во всех философских концепциях, которые отмечены печатью субъективизма, антропоцентричности, интуитивизма, интереса к мифопоэтическому мышлению и национальным картинам мира. Х. Ортега-и-Гассет полагал, что метафора — это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. Позднее говорилось о том, что метафора открывает «эпистемический доступ» к понятию [8].

В те же годы было положено начало другой важной для современных когнитивных исследований линии развития мысли. Э. Кассирер начал публикацию цикла исследований о символических формах в человеческой культуре. В небольшой книге «Язык и миф», предварившей издание этого труда, Кассирер в сжатой форме изложил основные положения своей концепции [9].

В отличие от Ницше, Кассирер не сводил к метафоре все способы мышления. Он различал два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифопоэтическое) и дискурсивно-логическое мышление. Дискурсивно-логический путь к концепту состоит в ряде постепенных переходов от частного случая к все более широким классам. Приняв в качестве отправной точки какое-либо эмпирическое свойство предмета, мысль пробегает по всей области бытия (отсюда термин «дискурсивное мышление»), пока искомым концептом не достигнет определенности. Именно так формируются понятия естественных наук. Их цель — преувратить «рапсодию ощущений» в свод законов.

В итоге вотум недоверия метафоре и всему челове-

скому познанию, вынесенный Ницше, обернулся надеждой на ее эвристические возможности, суггестивность. Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции. Было обращено внимание на моделирующую роль метафоры: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем.

Последние десятилетия лингвистическая наука стремительно развивалась по пути популярного направления, носящего название Когнитивная Лингвистика или Когнитивистика. Интерес ученых к данной области не утихает и сегодня. Одним из главных открытий когнитивистики считается когнитивная теория метафоры. Данная теория вывела метафорологию на качественно новый уровень. –В последнее время к феномену метафоры обращаются философы, лингвисты, психологи, литературоведы, а так же представители других лингвистических наук.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [3, с. 17].

Общепризнанным лидером такого подхода к метафоре считается профессор Калифорнийского университета в Беркли Джордж Лакофф. А.Н. Баранов отмечал, что изданная в 1980 г. книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff 1980] (в русском переводе [5]) очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [1, с. 7]. Согласно теории Лакоффа и Джонсона, в основе метафоризации лежит принцип взаимодействия между структурами сферы-

источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате односторонней метафорической проекции (metaphorical mapping) сформировавшиеся в ходе взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры [2, с. 8].

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД - ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Специальные наблюдения позволяют выделить три регионально-методологических центра исследований в сфере политической метафористики: североамериканский, европейский и российский. Несмотря на разнообразие подходов, исследователи продолжают развивать отдельные положения теории концептуальной метафоры. Так, А. Мусолфф [10] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной "эволюции" (conceptual evolution) метафор.

Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и "концептуальную гибкость" [3, с. 19].

Другими словами, метафоры действуют в политическом

дискурсе, подобно тому, как живые организмы, обладающие свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействуют с окружающей средой, или "выживают" и "эволюционируют" наряду с другими метафорами. В общем и целом, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих сильное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Метафора выводит наружу один из парадоксов жизни, состоящий в том, что ближайшая цель того или другого действия (и в особенности творческого акта) нередко бывает обратна его далеким результатам: стремясь к частному и единичному, изысканному и образному, метафора может дать языку только стертое и безликое, общее и общедоступное. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом.

Появление все новых и новых модификаций теории метафоры в ее применении к изучению того или иного дискурса, обращение исследователей ко все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации и художественном тексте – все это требует всестороннего осмысления истории, культуры и современного состояния названного научного направления, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив исследования метафоры.

Тем самым, мы приходим к выводу, что, несмотря на богатую историю метафорологии и большое количество исследований, изучений метафор – по-прежнему перспективно и актуально, в том числе и потому, что метафоры проникают во все сферы жизни и мыслительной деятельности.

Список литературы:

1. **Баранов, А.Н.** Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя [Текст] / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы

живем. - М., 2004.

2. **Будаев, Э.В.** Когнитивная теория метафоры: новые горизонты [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 1 (110). — С. 6-13.

3. **Будаев, Э.В.** Становление теории когнитивной метафоры [Текст] / Э.В. Будаев// Лингвокультурология. - Вып. 1. - Екатеринбург, 2007. - С. 16-32.

4. **Гоббс, Т.** Левиафан. [Текст] / Т. Гоббс - М., 1936.- 503 с.

5. **Лакофф, Дж.,** Метафоры, которыми мы живем. [Текст]/ Дж. Лакофф, М.Джонсон - М., 2004.

6. **Локк, Дж.** Опыт о человеческом разумении [Текст] / Дж. Локк // Сочинения в 3-х тт., Т. 1. - М., 1985.- 670 с.

7. **Ницше, Ф.** Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873). [Текст] / Ф.Ницше // Полн. собр. соч., Т. 1. - М., 1912. - 520 с.,

8. **Boyd, R.** Metaphorandtheorychange. [Text] — In: Metaphorandthought. Cambridge, 1979

9. **Cassirer, E.** DiePhilosophiederSymbolischen Formen. Bd. 1 — 3. [Text] Berlin, 1923-1929.

10. **Musolff, A.** Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 [Text] // Language and Peace / Ed. C. Schäffner, A. L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995: 27.01.2015)